

СЕМЬЯ И ШКОЛА

№ 11 1995

*звёздные дети
«утренней звезды»*

*кому и почему
учиться трудно*

*женщины,
которых бросают*

журнал для родителей

Поросёнок Робинзон

сказка *Беатрисы Поттер*

ГЛАВА I

Когда я была маленькой, родители брали меня летом на море. Мы останавливались в маленьком городке. Там было много рыбаков, а в гавани стояли рыболовные суда и рыбацьи лодки. Рыбаки выходили с сетями в море за сельдью. Кому-то из них везло, кому-то нет: одни возвращались, поймав лишь несколько селедок, а другие привозили столько, что всего не выгрузить на набережную. Тогда прямо в мелководье, дождавшись отлива, закатывали двуколки. Рыбу из тяжело груженных судов перебрасывали лопатами через борт в кузова двуколок и увозили на станцию, где стоял особый поезд с вагонами для рыбы.

Сколько было радости, когда суда причаливали с хорошим уловом сельди! Полгорода сбегалось на пристань — собирались здесь тогда и кошки.

Вместе с ними всегда приходила встречать суда и белая кошка Марта. Она жила у старого рыбака Роджера и его жены Пэтси. Старушка страдала от ревматизма, и у нее не было детей, а были только Марта и пять кур. Пэтси сидела у камина и жаловалась на боли в спине.

— Ох-ох-ох! — охала она каждый раз, подкладывая уголь в огонь или помешивая ложкой в кастрюле. Марта сидела напротив Пэтси. Она очень жалела свою хозяйку — ах, если бы она тоже умела подкладывать в огонь уголь и помешивать в кастрюле! Весь день, пока Роджер рыбачил, они сидели у камина, потягивая чай с молоком.

— Марта, — сказала Пэтси. — Мне трудно вставать. Сходи к воротам, не видать ли в море нашей посудины.

35 Марта вышла, но вернулась ни с чем. Раза три

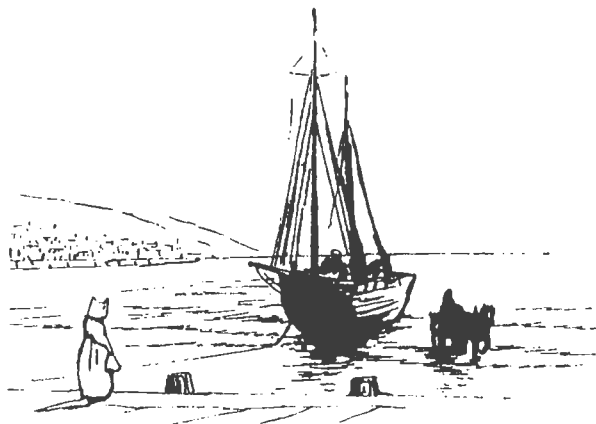
или четыре она выходила в сад. Наконец, уже к вечеру, показались паруса рыбацкой флотилии.

— Сходи на пристань, спроси у Роджера шесть селедок, я приготовлю их на ужин. Возьми мою корзину, Марта.

Марта взяла корзину, еще Пэтси дала ей свою шляпку и шерстяной платок. Я видела, как Марта торопливой походкой шла к пристани.

Кошки выходили из домов и бежали по крутым улицам, спускаясь на набережную. Туда же устремлялись утки. Мне запомнилось, что у уток на головах были банты. Все спешили к морю встретить рыбаков — все или почти все. Мне встретился только один джентльмен, который шел в обратном направлении. Это был пес Вернер, он нес в зубах бумажный пакет.

Некоторые собаки не любят рыбу. Вернер заходил в лавку мясника за бараньими отбивными, которые он покупал для себя, а также для Боба,

Симора и мисс Розы. Вернер был большой, серьезный, хорошо воспитанный коричневый пес с коротким хвостом. Он жил с охотничьим псом Бобом, котом Симором и экономкой мисс Розой. Прежним хозяином Вернера был очень богатый пожилой джентльмен; после смерти он оставил Вернеру деньги — десять шиллингов в неделю, пожизненно. Вот почему Вернер, Боб и Симор жили все вместе в небольшом красивом доме.

Марта несла в руке корзину, когда на углу Бороу-роуд встретила Вернера и сделала реверанс. Ей следовало бы остановиться и спросить про ногу Симора, но она очень спешила встречать шхуну. Симор хромал: правую ногу придавила двуколка молочника.

Вернер посмотрел на Марту уголком глаза, вильнул хвостом и тоже не остановился. Он не мог кивнуть или сказать «Добрый день» — он боялся выронить пакет с бараньими отбивными. С Бороу-роуд он свернул на свою улицу, Молси-лэйн, толкнул дверь и скрылся в доме. Вскоре оттуда донесся запах жареной баранины... Я уверена, что Вернер, Боб и мисс Роза с удовольствием съели свои отбивные.

Симора не было в обед. Он выскользнул из окна и вместе со всеми остальными кошками в городе отправился встречать рыбацьи лодки.

Марта торопливо шла по Бороу-роуд и, чтобы срезать дорогу к пристани, стала спускаться по крутым ступенькам между домами. Утки мудро выбрали другой путь, кружной, вдоль берега. Ступеньки были слишком крутые и скользкие для любого, кто не так твердо стоял на ногах, как кошка. Марта спустилась быстро и с легкостью. Всего было сорок три скользких и сумрачных ступеньки. Они вели на набережную с причалом. Оттуда пахло канатами, дегтем, доносилось множество звуков.

Отлив обнажил илистый песок, на котором осели суда. Несколько кораблей пришвартовались у пристани, другие стояли на якоре между молом и набережной.

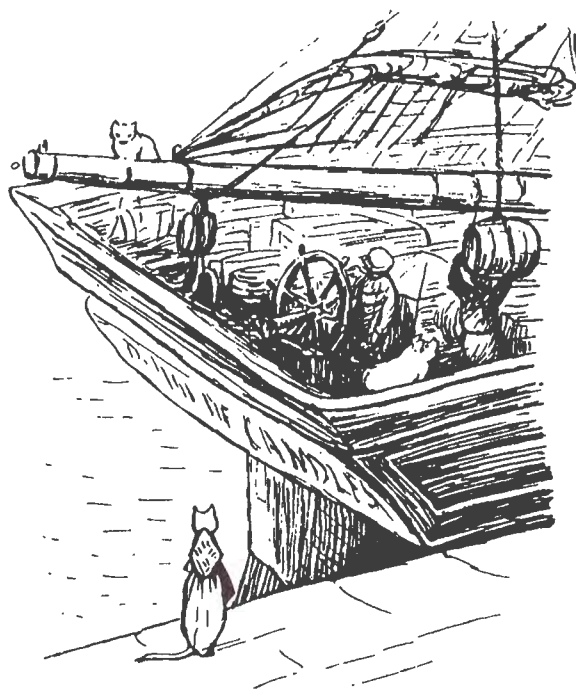
Вблизи лестницы разгружались два черных угольщика: один корабль, из Сандерленда, назывался «Марджерии Доу», а другой, из Кардиффа, «Дженни Джонс». По палубам бегали люди с тачками, подъемные краны ковшом захватывали уголь, поворачивались и с грохотом ссыпали его на берег.

Подальше у причала корабль под названием «Фунт свечей» принимал смешанный груз. Тюки, ящики, бочки, бочонки — в трюм грузились самые разные товары, кричали матросы и грузчики, грохотали и звенели цепи. Марта ждала возможности проскочить мимо шумной толпы. Она наблюдала за бочонком сидра, который подпрыгивал и раскачивался в воздухе, путешествуя с причала на палубу «Фунта свечей». На свернутом канате сидел рыжий кот и тоже следил за бочонком.

Веревка побежала со шкива, бочонок стукнулся о палубу, где его подхватил матрос.

— Осторожно! — крикнул матрос. — Берегите голову, юноша! Отойдите в сторону!

— Уии, уии, уии! — недовольно провизжал розовый поросенок, бросившись бежать по палубе «Фунта свечей».

Сидевший на свернутом канате рыжий кот бросил взгляд на поросенка и подмигнул Марте.

Марта удивилась поросенку на корабле. Но ей было некогда. Она пробиралась вперед по набережной, среди угля и кранов, среди людей, кативших тележки, среди звуков и запахов. Она миновала рыбный базар, сортировщиков рыбы, корзины, ящики и бочки, в каких местные женщины засаливают сельдь.

В воздухе с криком носились чайки. Сотни ящиков и тонны свежей рыбы грузились в трюм небольшого пароходика. Марта с облегчением оставила позади столпотворение и по нескольким ступенькам спустилась к дальнему причалу. Вскоре, гогоча между собой, сюда вразвалочку притопали утки. Обойдя волнорез, тяжело груженная шхуна старины Роджера «Пэтси Тиминс», последняя в селедочной флотилии, уткнулась тупым носом в гальку.

Роджер был очень доволен: он пришел с большим уловом. Они с помощником и еще с двумя парнями начали выгружать рыбу в двуколки — был отлив, и шхуна не могла причалить к набережной. На борту было полно сельди.

Но даже когда Роджеру не везло с уловом, он всегда бросал Марте несколько рыбешек.

— Вот вам на ужин, девочки, тебе и Пэтси! Но только честно! Вот эта, с раздавленной головой — твоя! Остальные отнеси Пэтси!

Плескались и чавкали утки, низко над водой летали чайки. Марта с корзиной селедок поднялась по ступенькам и дворами пошла домой.

Старушка Пэтси приготовила пару селедок себе и Марте — и еще пару Роджеру на ужин к его приходу. Потом она пошла спать и взяла в постель, от ревматизма, бутылочную грелку, завернутую во фланелевую юбку.

Роджер съел свой ужин, сел к огню, подымил трубкой и пошел спать. А Марта еще долго размышляла у камина. Она думала о многом — о рыбах, утках, о хромоногом Симоре, о собаках, жующих бараньи отбивные, вспоминала рыжего

кота на свернутом канате и поросенка. Было странно видеть поросенка на корабле, что носил название «Фунт свечей»... Из дверки буфета выглядывали мыши. В камине потрескивали угли. Марта нежно урчала во сне, ей снились рыбки и свинки. Никак она не могла понять — зачем поросенок на борту? Зато я знаю о нем все на свете!

ГЛАВА II

Вы помните песню про кошку Молли и филина Филли?

*Молли и Филли в море уплыли
в лодке «Зеленый горох».
Меда купили, монеток скопили
в количестве двух или трех.
Звезды светили. Чудился Филли
тихой гитары звон:
«Ты меня любишь, милая, или
это волшебный сон?»*

*Сон...
это сон...
Очень волшебный сон».*

*Но Молли пела: «Ты сильный, смелый,
и недурен лицом.
Не прочь я замуж. Но только сам уж
думай, как быть с кольцом».
Они плыли вперед целый день и год —
туда, где в густом лесу
под деревом Бонг поросенок живет
с кольцом золотым в носу.*

*В носу.
Да, в носу.
Кольцо у него в носу.*

*«За шиллинг новый, за мед терновый
продашь нам кольцо?» — «Продам!»
Назавтра венчал их Индюк величавый,
и пел поросенок там.
На завтрак ели айву и тефтели,
трезубчатой ложкой одной.
И рука в руке на морском песке
танцевали они под луной.*

*Под луной,
ах, луной.
Вдвоем под одной луной.**

Ну, а теперь я расскажу вам историю этого поросенка и о том, как случилось, что он оказался на острове в густом лесу — под деревом Бонг.

Когда поросенок был маленьким, он жил в Девоншире на ферме Кабанч со своими тетушками мисс Сардэлией и мисс Амелией. Их уютный окруженный садом домик с соломенной крышей находился на самом верху крутой и узкой улицы Девоншир-лэйн.

Трава здесь росла на темно-красной почве, а вдали поднимались красные скалы. Между скалами проступал лоскуток ярко-синего моря, по которому в гавань Суинси плыли белые паруса.

Я часто замечала, что девонширские фермы носят странные названия. Если бы вам случилось побывать на ферме Кабанч, то ее обитатели тоже показались бы вам странными... Тетушка Сардэлия была толстой крапчатой свиньей и держала кур. Тетушка Амелия была большой улыбочатой черной свиньей — ей отдавали белье в стирку. Они прожили благополучную жизнь без приклю-

чений и закончили ее в виде копченой корейки. А вот на долю их племянника выпали самые необыкновенные приключения — мало кто из свиной помнит что-либо подобное.

Поросенок Робинзон был очаровательный бело-розовый мальчик с голубыми глазками, толстыми щечками, двойным подбородочком и вздернутым носиком, в котором сияло настоящее золотое кольцо. Когда Робинзон закрывал один глаз, а другой старался скосить к носу, кольцо ему удавалось разглядеть.

Он всегда был доволен и счастлив. С утра до вечера поросенок бегал по ферме, напевая песенки и повизгивая «Уии, уии, уии!». Тетушки очень скучали по его песенкам, когда он покинул дом.

— Уии? Уии? Уии? — отвечал Робинзон, когда с ним заговаривали. Он слушал склонив голову набок и прищурив один глаз. — Уии? Уии? Уии?

Тетушки кормили его, баловали и не давали покоя.

— Робинзон! Робинзон! — кричала Тетушка Сардэлия. — Иди быстрее! Я слышу, курица клохчет! Принеси яйцо, только не раскокай!

— Уии, уии, уии! — отвечал Робинзон, словно говорил «да» по-французски.

— Робинзон! Робинзон! Я уронила прищепку, поди сюда, подними! — кричала Тетушка Амелия. Нагибаться ей мешало толстое брюхо.

— Уии, уии, уии! — отвечал Робинзон.

Обе тетушки были весьма и весьма жирны. А ступенчатые перелазы через ограды в округе — очень узкие. От фермы Кабанч, пересекая одно поле за другим, бежит утоптанная красная тропинка; из невысокой травы, что растет по обочинам, выглядывают маргаритки. И везде, где тропинка переходит с одного поля на другое, через изгородь ведет перелаз.

— Дело не в том, что я располнела, сами

* Эдвард Лир. (Перевод Д. Крупской.)

перелазы слишком узки,— сказала Тетушка Сардэлия, обращаясь к Тетушке Амелии.— Ты сможешь протиснуться через них, если я останусь дома?

— Ничего у меня не получится. Уже два года не получается,— ответила Тетушка Амелия.

— Тем более огорчительно, что посыльный опрокинул свою ослиную двуколку как раз накануне рыночного дня. И перебил все яйца по два шиллинга два пенса за дюжину! Как, по-твоему, если не полями напрямик, а идти по дороге, кружным путем — далеко ли будет?

— Четыре мили как одна,— вздохнула Тетушка Амелия.— А у меня мыло на исходе — последний кусок. Что будем делать? Ведь нужно много чего купить... Осел говорит, что на ремонт двуколки уйдет неделя.

— Ты уверена, что не пролезешь, даже если выйдешь до обеда, на пустой желудок?

— Я убеждена, что застряну там навеки, так же, как и ты,— ответила Тетушка Амелия.

— Может быть, нам стоит рискнуть...— начала Тетушка Сардэлия.

— Рискнуть послать Робинзона, чтобы он по тропинке добрался до Суинси? — закончила Тетушка Амелия.

— Уии, уии, уии! — радостно воскликнул Робинзон.

— Я поостереглась бы посылать его одного, хотя он достаточно развитой при своем малом весе.

— Уии, уии, уии! — снова воскликнул Робинзон.

— Но у нас нет другого выбора,— сказала Тетушка Сардэлия.

Итак, Робинзона поставили в таз и принялись скрести и отмывать последним куском мыла. Его тщательно вытерли полотенцем и начистили до блеска, как серебряную ложку. Потом на него надели синюю хлопчатобумажную сорочку, штанишки и наказали идти в Суинси за покупками — с большой плетеной корзиной.

В корзине были две дюжины яиц, пучок нарциссов, два кочана цветной капусты, а также сэндвич с джемом поросенку на обед. Робинзон должен был продать на рынке яйца, цветы и овощи, а затем кое-что купить.

— Будь осторожней в Суинси, Робинзон. Бойся пороха, сургуча, колбасы, мебельного фургона, корабля, кока и кожаных башмаков. Запомни, надо купить синий мешочек с зеленью, мыло, штопальную шерсть и... что еще? — спросила Тетушка Сардэлия.

— Штопальную шерсть, мыло, синий мешочек, дрожжи... и что еще? — спросила Тетушка Амелия.

— Уии, уии, уии! — ответил Робинзон.

— Синий мешочек, мыло, дрожжи, штопальную шерсть, капустные семена — это пять вещей, а нужно шесть. Я племяннику завязала четыре узелка на память, больше не завяжешь, у платка только четыре угла. А всего надо купить шесть вещей...

— Вспомнила! — воскликнула Тетушка Амелия.— Последнее — это чай. Значит, чай, синий мешочек, мыло, штопальную шерсть, дрожжи, капустные семена. В основном ты все купишь у мистера Мамби. Расскажи про посыльного, Ро-

бинзон, скажи, что мы пришлем чистое белье и овощи на следующей неделе.

— Уии, уии, уии! — ответил Робинзон, отправляясь в путь с большой корзиной.

Тетушка Сардэлия с Тетушкой Амелией стояли в дверях, провожая его взглядом. Они видели, как он пересек поле и скрылся за первым из многих ступенчатых перелазов. Когда они вернулись к домашним заботам, то стали ворчать и огрызаться друг на друга, потому что волновались за племянника.

— Зря мы егопустили. Дался тебе этот синий мешочек!

— Ну, конечно! Это все твои яйца и штопальная шерсть! — проворчала Тетушка Амелия.— Вот растяпа наш посыльный со своей ослиной двуколкой! Неужели нельзя было свалиться в канаву чуть позже, после рыночного дня?

ГЛАВА III

Путь в Суинси оказался долгим, хотя тропинка шла полями, напрямик. Зато Робинзон радовался, что она бежала под гору. Утро было такое приятное, что он напевал песенки и похихикивал:

— Хии, хии, хии!

Жаворонки тоже пели у него над головой.

А еще выше, в небесной синеве, описывали широкие круги огромные белые чайки. Важные грачи и суетливые галки прохаживались по лугам среди лютиков и маргариток. Ягнята скакали с веселым блеянием, овцы оглядывались на Робинзона через плечо.

— Будь осторожней в Суинси, поросенок,— сказала одна овца с добрыми глазами.

Робинзон бежал рысцой, пока не выдохся и не распарился. Он оставил позади пять больших полей и столько же перелазов: один со ступеньками, другой с приставными лестницами, третий с

деревянными столбами — некоторые было очень неудобно преодолевать с тяжелой корзиной. Оглянувшись, он уже не смог разглядеть ферму Кабанч. А далеко впереди, за полями и скалами, стеною вставало синее море — казалось, что оно не приближается.

Робинзон присел передохнуть под изгородью, в укрытом от ветра солнечном уголке. У него над головой раскачивались желтые сережки вербы, на пригорке сотнями цвели примулы, приятно пахло мхом, травой и нагретой влажной землей.

— Если съесть обед сейчас, не надо будет тащить его дальше! — решил Робинзон.

Он так проголодался в дороге, что вдобавок к сэндвичам с удовольствием съел бы еще и яйцо, но не позволяло воспитание.

— А то обе дюжины перестанут быть круглыми, — вздохнул Робинзон.

Он навал пучок примул и перевязал ниткой штопальной шерсти, которую Тетушка Сардэлия дала как образец.

— Я их тоже продам на рынке, а на вырученные пенсы куплю сладости. Сколько у меня пенсов? — бормотал Робинзон, шаря в кармане. — Один от Тетушки Сардэлии, другой от Тетушки Амелии и будет еще один за примулы — этот для меня, уии, уии, уии! По дороге кто-то едет... не опоздать бы на рынок!

Робинзон бросился вперед и просунул корзину в очень узкий лаз: здесь, за изгородью, проходила большая дорога.

Тут поросенок увидел пожилого господина верхом. На белоногой каштановой лошади подъехал мистер Перч. Две его борзые бежали впереди, перебирая длинными ногами и оглядывая через решетчатые ворота каждое поле, которое миновали. В два прыжка они оказались перед Робинзоном, огромные и дружелюбные; облизали ему лицо и спросили, что у него в корзине.

— Назад, Пират! Назад, Почтальон! — отозвал их мистер Перч. Он не хотел отвечать за яйца. — Идите сюда, сэр!

Дорога недавно была заново засыпана острыми камешками. Мистер Перч направил лошадь шагом по траве на обочине и заговорил с Робинзоном. Он был веселый пожилой джентльмен, очень приветливый, с красным лицом и седыми бакенбардами. Его владения охватывали все зеленые поля и красную пашню от Суинси до фермы Кабанч.

— Ну, здравствуй! Куда ты направился, поросенок Робинзон?

— Иду на рынок, мистер Перч. Уии, уии, уии! — ответил Робинзон.

— Как, один? А где же мисс Сардэлия и мисс Амелия? Здоровы, смею надеяться?

Робинзон рассказал про узкие перелазы.

— Вот как! Значит, тетушки слишком разжирили? И ты отправился совсем один? Почему же тетушки не держат собаку для посылок?

Робинзон ответил вежливо и толково на все вопросы мистера Перча. Он продемонстрировал незаурядный ум и хорошее для своего нежного возраста знание овощей. Он бежал рысцой почти что под брюхом у лошади и снизу поглядывал на ее блестящую каштановую шерсть, широкую белую подпругу, на гетры мистера Перча и его

коричневые кожаные сапоги. Мистер Перч остался доволен Робинзоном и подарил ему пенс. Когда острые камешки кончились, он подобрал поводья.

— Ну, всего хорошего, поросенок. Поклонись от меня тетушкам. Будь поосторожней в Суинси. — Он свистнул собакам и прищипорил лошадь.

Робинзон продолжал путь по дороге. Он миновал фруктовый сад, где его взору явились, жуя траву, семь тощих грязных свиней. Ни у одной не было золотого кольца в носу! Он прошел по мосту Сеттер-бридж, не останавливаясь поглядеть на рыбок, плывущих вверх по ленивой реке, и на белых уток, которые барахтались в ряске. Потом завернул на мельницу — передать, что Тетушка Сардэлия заказывала муку, и жена мельника угостила его яблоком.

Когда Робинзон снова вышел на дорогу, ему встретился громадный пес Гавард. Он приветливо улыбнулся Робинзону и вильнул хвостом. Вскоре поросенка нагнали несколько двуколок и одноколок. Глазая на Робинзона, два фермера чуть не выкрутили себе шеи. На заднем сиденье повозки находились пара гусей, мешок картошки и несколько кочанов капусты. В запряженной ослом двуколке проехала старушка с семью курами и длинными связками ревеня, выращенного в соломе под бочками. Потом, дребезжа бидонами в молочной повозке, проехал кузен Робинзона, поросенок Персифаль, он управлял рыже-чалым пони.

Кузен подвез бы Робинзона, только, к сожалению, он ехал в обратную сторону: пони вдруг перестал слушаться и почему-то понесся домой.

— Эта свинка шла на рынок! — весело крикнул Персифаль, прогрохотав в облаке пыли и оставив Робинзона стоять на дороге.

Робинзон продолжал путь, пока не увидел следующий перелаз по другую сторону дороги: здесь тропинка через поля возобновлялась. Робинзон протасил корзину через лаз. Впервые у него

появилась какая-то тревога. На этом поле паслись крупные девонширские коровы, такие же темно-красные, как почва у них под копытами. Стадо возглавляла одна бодучая старая корова, на рога ей насадили бронзовые шарики. Она недовольно уставилась на Робинзона. Бочком-бочком он пробежал через луг и поскорей выскочил в дальний лаз. Здесь свеженатоптанная тропинка огибала зеленое пшеничное поле. Кто-то выстрелил из ружья — так бабахнуло, что Робинзон подпрыгнул и одно яйцо в корзине разбилось.

С пшеничного поля, каркая и бранясь, поднялась туча грачей и галок. К их крикам примешались другие звуки, доносящиеся из города Суинси, который показался за вязами, где кончались поля: отдаленный шум железной дороги, свисток паровоза, стук вагонов, которые переводили на другой путь, шум фабрики, дальний гул города, гудок входившего в гавань парохода. Высоко в небе пронзительно закричали чайки и в грачевнике на вязах вздорным голосом закаркали грачи.

Наконец Робинзон оставил поля позади и присоединился к потоку людей и повозок, который шагал и катился на рынок в Суинси.

ГЛАВА IV

Суинси — прелестный городок в устье реки Мусли, лениво несущей свои воды в залив, по краям которого выдаются в море два высоких красных мыса. Лежа в чаше между холмами, городок словно сползает к воде, в бухту Суинси, опоясанную набережными и молом.

Предмestья здесь грязные, как обычно у портовых городов. В обширном западном пригороде живут по большей части козы, и еще люди — те, что возятся с металлоломом, тряпьем, смолят канаты и мастерят рыбацьи сети. Тут видны дорожки с веревочными перилами, тут развешено

белье над пляжной галькой, замусоренной водорослями, ракушками и дохлыми крабами, — конечно, у Тетушки Амелии все выглядит совсем иначе, белье у нее сушится на чистом зеленом лугу.

Тут в лавках торгуют корабельными принадлежностями, подзорными трубами, матросскими клеенчатыми шапками, продают лук; тут самые разные запахи; тут высятся причудливые сараи, похожие на сторожевые будки, в них сушат сети; тут из обшарпанных домов доносятся громкие голоса. Казалось, что как раз в таком месте раскатывают мебельные фургоны. Робинзон шел по середине дороги. Из окна пивной кто-то крикнул ему:

— Эй, толстячок, подваливай к нам!

Робинзон бросился бежать.

Сам по себе Суинси был городок опрятный, живописный и хорошего воспитания — чего не скажешь о гавани, — но очень круто спускался к морю. Если бы одно из яиц Тетушки Сардэлии Робинзон положил на землю в самом начале Крут-стрит, оно прокатилось бы через весь город до конца улицы и упало в море — впрочем, вероятнее всего, оно разбилось бы гораздо раньше, ударившись об угол дома или попав под ноги прохожим. А на улицах в тот день было весьмалюдно, потому что день был рыночный.

И в самом деле двигаться было трудно, тебя то и дело толкали, задевали и даже спихивали с тротуара — все пожилые женщины, что встречались Робинзону, несли по меньшей мере такие же здоровенные корзины, как его собственная. На дороге стояли рыбные лотки, тележки с яблоками, прилавки с глиняной посудой и скобяными товарами, в запряженных пони двуколках ехали петухи и куры, шагали ослы с корзинами, фермеры везли телеги, доверху груженные сеном. А из порта вверх по улице одна за другой поднимались двуколки с углем. Городской шум пугал и сбивал с толку деревенского поросенка.

Робинзон держался мужественно, пока не попал на Рыллер-стрит. Он увидел овчарку пастуха, Вернера и еще кучу собак — они пытались загнать во двор трех волов. Два поросенка с корзинами спаржи и Робинзон бросились в проулок и спрятались в дверях какого-то дома.

Через некоторое время лай утих. Когда Робинзон осмелился снова выйти на Рыллер-стрит, он решил следовать непосредственно за ослиным хвостом, не отставая ни на шаг; осел нес корзины, доверху наполненные брюссельской капустой. Дорога несомненно вела к рынку. После всех этих задержек нечего было удивляться тому, что часы на церкви пробили одиннадцать.

Рынок открылся еще в десять, а теперь здесь теснилось множество людей. Благодаря стеклянным окнам в крыше было светло и радостно. Конечно, толкотня напоминала уличную, но здесь тебе не грозило попасть под колеса. Стоял немолчаливый гул голосов, продавцы выкрикивали свой товар, покупатели, орудуя локтями, пробирались к прилавкам. Молоко, сыр, овощи, рыба и крабы красовались на широких досках, установленных на козлах.

Робинзон нашел для себя стоячее место с краю у прилавка, где Коза Изабель торговала улитками.

— Бе-эз улиточек не-э уходите! — бляла Изабель.

Она продавала только улиток, поэтому яйца и примулы Робинзона ей не мешали. Она не знала, что поросенок принес цветную капусту: у него хватило благоразумия корзину с капустой поставить себе под ноги. Он гордо стоял за прилавком на пустом ящике и бесстрашно выкрикивал — нараспев:

— Яйца свежие, яйца свежие! Покупайте яйца, нарци-иссы!

— Я возьму яйца, — сказал большой коричневый пес с коротким хвостом. — Дюжину. Мисс Роза послала меня на рынок за яйцами и маслом.

— Очень жаль, у меня нет масла, мистер Вернер, но зато есть прекрасная цветная капуста, — ответил Робинзон и поставил на прилавок корзину, опасливо покосившись в сторону Козы Изабелли, которая могла бы позариться на капусту. Но Изабелли было не до этого, оловянной кружкой она отмеривала улитки покупателю в берете с помпоном, мистру Сэлзэню.

— Отличные бурые яйца, — расхваливал свой товар Робинзон, — только одно разбитое. А масло, по-моему, за тем прилавком, у белой киски; но цветную капусту лучше моей не найдете!

— Ах ты какой курносенький! Я куплю у тебя капусту. Неужели ты вырастил ее на своем огороде? — воскликнула, подбегая, старушка Пэтси: ревматические боли немного улеглись, и она оставила Марту присматривать за домом. — Нет, милый, яйца мне не нужны, я держу кур сама. Дай мне, пожалуйста, кочан капусты и пучок нарциссов, я поставлю их в горшок, — сказала Пэтси.

— Уии, уии, уии! — ответил Робинзон.

— Миссис Перкинс, подойдите сюда, поглядите на этого поросенка, как он стоит за прилавком, самый настоящий продавец!

— Что верно, то верно! — согласилась миссис Перкинс, проталкиваясь через толпу с двумя ма-

ленькими девочками. — Ничего не скажешь! А яйца и вправду свежие, сынок? Они не лопнут, не испортят мое воскресное платье? Знаешь, как яйца миссис Эннвот, которые приносили ей первые призы на пяти конкурсах подряд, потом перелопались и замарали черное платье распорядительницы? Это не утиные яйца, выкрашенные кофейной гущей? Ах, чего только ни выдумывают на этих конкурсах! И ты уверен, что куры их прямо сейчас снесли? А битое, говоришь, только одно? Вот это я называю честный разговор, такое яйцо прекрасно годится для яичницы. Я возьму дюжину яиц и кочан капусты. Дженни, погляди! Смотри, какое у него кольцо в носу!

Дженни с подружкой так расхикиались, что Робинзон покраснел. Он до того смутился, что даже не заметил мадам, которая хотела купить его последний кочан, пока она не похлопала поросенка по руке. Больше продать было нечего, кроме пучка примул. Похихикав и пошептавшись, две девочки вернулись и купили примулы. Они дали ему мятный леденец и пенс, который Робинзон принял без воодушевления и с озабоченным видом.

Но вот какая вышла неприятность: с проданного букетика примул Робинзон забыл снять образчик

штопальной шерсти, что дала ему Тетушка Амелия. Когда он это понял и подумал, не попросить ли шерстяную нитку обратно, ни миссис Перкинс, ни Дженни, ни ее маленькой подружки уже нигде не было.

Распродав свои товары, Робинзон двинулся к выходу, посасывая мятный леденец. А народ все шел и шел на рынок. На ступеньках у выхода корзина Робинзона зацепилась за платок пожилой овцы, которая пробиралась в толчее наверх, к дверям. Пока Робинзон возился, освобождая корзину, вышел Вернер. Он закупил все необходимое и нес тяжелую, наполненную доверху корзину. Вернер был ответственный, добрый и обходительный пес, он всегда старался помогать людям.

— Не подскажите, как найти мистера Мамби? — спросил его поросенок.

— Я иду домой по Бороу-роуд. Пойдемте со мной, и я покажу дорогу.

— Уии, уии, уии! Спасибо, мистер Вернер! — воскликнул Робинзон.

Поросёнок Робинзон

сказка *беатрисы поттер*

ГЛАВА V

Окончание. Начало в № 11. Старик Мамби носил очки, был сильно глуховат и держал универсальный магазин. Там продавалось все или почти все, кроме окороков и ветчины, — последнее обстоятельство очень одобряла Тетушка Сардэлия. В Суинси это был единственный универсальный магазин, где на прилавке не красовалось огромное блюдо с цепочками тощих сосисок, а с потолка не свисала копченая свиная грудинка.

— Что за удовольствие, — с чувством говорила Тетушка Сардэлия, — что за удовольствие войти в магазин и удариться головой об окорок! Кто знает, это может быть окорок твоего любимого троюродного брата...

Вот почему сахар, чай, мыло, сковородки, синие мешочки, спички и кружки тетушки покупали у старика Мамби.

Много чего продавал старик Мамби! А чего не было — мог заказать. Что же касается дрожжей, они кончились — дрожжи надо покупать только самые свежие! — поэтому он посоветовал Робинзону обратиться к булочнику. Он сказал также, что капустные семена сейчас никто не продает, кончился сезон, овощи уже все посадили. Штопальной шерстью он тоже не торговал, но Робинзон все равно забыл нужный цвет.

На свои пенсы Робинзон купил шесть пастилок восхитительно липкого ячменного сахара и внимательно выслушал все, что мистер Мамби хотел передать Тетушке Сардэлии и Тетушке Амелии, —

чтобы на следующей неделе, когда починят ослиную двуколку, ему послали капусты, а чайник пока не запаляли, и он рекомендует Тетушке Амелии купить новый запатентованный утюг.

— Уии, уии, уии, — кивал головой Робинзон. За прилавком рядом с хозяином магазина стоял на табурете песик Патрик и раскладывал зелень в синие мешочки.

— Скажи, Робинзон, — прошептал Патрик, — у вас в амбаре были крысы весной?

— Уии, уии, уии! — ответил поросенок.

Робинзон вышел от мистера Мамби с тяжелой корзиной. Конечно, приятно, что он купил ячменный сахар, но как быть со штопальной шерстью, дрожжами и капустными семенами? Он озабоченно огляделся вокруг, но тут снова ему встретилась старушка Пэтси.

— Ах, милый поросенок! — воскликнула Пэтси. — Ты еще не отправился домой? Уходи скорей из Суинси, пока тебе не обчистили карманы!

Робинзон пожаловался ей, что не знает, где достать штопальную шерсть.

Добрая старушка Пэтси изъявила готовность помочь.

— Ну, конечно, я заметила шерстяную нитку на букетике примул, она была серо-голубая, такая же, как носки, которые я недавно связала Роджеру. Пойдем в лавку Цецилии Рунальд.

Миссис Цецилия Рунальд была той самой овцой, которая зацепилась платком за корзину Робинзона, — она купила на рынке три репки и помчалась обратно отпирать свою лавку, чтобы не упустить покупателей.

Ах, какая была лавка! Чего здесь только не было! Шерсть любого цвета, толстая, тонкая, чулочная, кучи мотков пряжи — но овца Цецилия никогда не находила того, что нужно. И вообще она так смущалась и так копошилась, что в конце концов Пэтси потеряла терпение.

— Нет, нам не нужна шерсть для тапочек, Цецилия, найди нам штопальную шерсть, того же цвета, что я купила на носки Роджеру. Да нет же, не спицы! А штопальную шерсть!

— Вы сказали черную или белую пряжу, мэ-эм? Тройную нитку, да?

— Помилуй, серую штопальную шерсть, а не пеструю шерстяную ткань.

— У меня точно это где-то есть, — беспомощно сказала Цецилия, роясь среди мотков и рулонов. — Утром приходил Лоран Баран, он принес чуть не всю шерсть, что настригли в Бээхеме, у меня магазин совсем забит...

На поиски ушло полчаса. Без помощи Пэтси Робинзон ни за что бы не купил шерсти.

— Уже поздно, мне пора домой, — сказала Пэтси. — Роджер сегодня придет с моря к обеду. Послушайся моего совета, оставь эту тяжелую

корзину в «Сытом чиже» у щегловок Гленды и Фей и поторопись закончить покупки. Возвращаться тебе далеко, и идти все время в гору.

Последовав совету старушки Пэтси, Робинзон отправился к мисс Гленде и мисс Фей. По дороге он увидел булочную и вспомнил про дрожжи.

К сожалению, булочная оказалась неподходящая. Там и вправду пахло горячими булочками, а на витрине лежало тесто, и тем не менее она больше походила на трактир.

Когда поросенок открыл дверь, человек в фартуке и квадратной белой шапочке обернулся и воскликнул:

— Глядите! К нам пожаловал пирог с ветчиной, собственной персоной!

Четверо грубиянов за обеденным столом громко загоготали.

Робинзон поспешно покинул трактир. Страшно было идти в любую другую булочную. Он задумчиво разглядывал одну из витрин на Рыллер-стрит, когда опять его увидел Вернер. Вернер отнес свою корзину домой и снова вышел по делу. Он взял зубами корзину Робинсона и привел его в абсолютно безопасную булочную, где сам обычно покупал твердые собачьи бисквиты с размолотыми костями и мясом. Там Робинзон наконец купил дрожжи для Тетушки Сардэлии.

Однако семян они не нашли. Впрочем, им посоветовали заглянуть к мистеру Трэйси Попкинсу — трясогуз держал лавку на набережной.

— К сожалению, я не смогу пойти с тобой, — сказал Вернер. — Мисс Роза растянула ногу и послала меня купить дюжину почтовых марок, я должен успеть принести ей марки до ближайшей отправки почты. У тебя такая тяжелая корзина, ты лучше не пытайся таскаться с ней по той крутой лестнице, оставь свою корзину в «Сытом чиже».

Робинзон был очень благодарен Вернеру. Мисс Гленда и мисс Фей держали таверну, где подавали чай и кофе, — здесь постоянными клиентами были Тетушка Сардэлия и другие некрикливые рыночные торговцы. Вывеска над входом изображала зеленую птичку с надписью «Сытый чиж». У таверны с краю находилось стойло — там отдыхал осел посыльного, когда по субботам приезжал в Суинси с чистым бельем.

Робинзон выглядел таким усталым, что мисс Гленда дала ему чашку чая, но обе щегловки сказали, чтобы он допивал быстрее.

— Уии, уии, уии! — ответил Робинзон, обжигая нос.

Несмотря на уважение к Тетушке Сардэлии, Гленда и Фей не одобрили всего того, что было поручено поросенку. Столько купить и все одному!

— У тебя слишком тяжелая корзина! Как ты с ней справишься? Ни мне, ни Фей такую не поднять! — вытянув тонкую лапку, воскликнула мисс Гленда. — Купи капустные семена и побыстрее возвращайся. Пони и двуколка Лорана Барана ждут в стойле. Если успеешь, Лоран, конечно, подбросит тебя, во всяком случае для корзины найдется место под сиденьем — он поедет мимо фермы Кабанч. А теперь беги!

— Уии, уии, уии! — сказал Робинзон.

— Как они могли отпустить его одного? Ему не

добраться до дому засветло, — сказала мисс Гленда. — Слетай-ка в стойло, Фей, предупреди пони, а то он отчалит без корзины.

Мисс Фей выпорхнула во двор. Сестры Фей и Гленда были деловитые крылатые барышни; чай, кусковой сахар и семена чертополоха они держали в жестяных чайницах, а столы и посуда у них всегда были безупречно чистыми.

ГЛАВА VI

Постоялых дворов в Суинси было изрядно, даже слишком.

Обыкновенно фермеры заворачивали к «Черному быку» или к «Коню и кузнецу», а у людишек помельче, у торговцев, излюбленным местом была таверна «Свинья и свисток».

Был в городе еще один постоянный двор, на углу Рыллер-стрит, под названием «Корона и якорь». Сюда приходило много моряков.

Засунув руки в карманы, у дверей разговаривали несколько матросов. От них отделился моряк в синей куртке.

— Послушай, поросенок, — глядя в упор на Робинсона, спросил он, — ты табачок уважаешь?

К сожалению, у Робинсона был один недостаток: он не умел говорить «нет». Он даже не мог твердо сказать «нет» ежу, когда тот воровал яйца у Тетушки Сардэлии. На самом деле он знал: если нюхнет табаку, его стошнит. Но вместо того чтобы сказать «Нет, спасибо, сэр» и сразу же двигаться дальше по своим делам, он потоптался, прикрыл один глаз, склонил голову набок и хрюкнул.

Моряк вытащил костяную табакерку и дал понюшку Робинзону, а тот завернул ее в клочок бумаги — для Тетушки Сардэлии. Затем, отвечая любезностью на любезность, он предложил моряку ответить ячменного сахара.

Если Робинзон не был любителем нюхательного табака, то во всяком случае его новый знакомый не был противником сладкого. Сахар он поглощал с ужасающей быстротой, пастилку за пастилкой.

— Прими мои поздравления, поросенок, — сказал моряк, дернув Робинсона за ухо. — Ты уже наел себе пятый подбородок.

Моряк вызвался проводить Робинсона в специальный магазин капустных семян и еще он сказал, что почтет за честь показать поросенку корабль, перевозящий имбирь, корабль, которым командует сам капитан Барнабас Бойн. Моряк очень просил Робинсона не отказывать ему в этом удовольствии.

Робинзону не понравилось название судна — «Фунт свечей». Он знал, что сальные свечи делают из животных жиров. Ему тут же почему-то представилась поджаристая корочка и копченая свиная грудинка с гарниром. Но он дал себя увести, застенчиво улыбаясь, ступая на носочках. Ах, если бы Робинзон знал... что его новый знакомый — кок, корабельный повар!

Когда с Крут-стрит они свернули на улочку, спускавшуюся к порту, старик Мамби заметил их и озабоченно крикнул из своего магазина:

— Робинзон! Робинзон!

Но на улице было слишком шумно от грохота двуколок. Как раз в это время в магазин вошел очередной покупатель и отвлек мистера Мамби от подозрительного моряка, про которого он тотчас же забыл. А то бы он, конечно, из уважения к семье послал бы вдогонку песика Патрика, чтобы уговорить поросенка вернуться. Разумеется, он сразу предоставил полиции важнейшие сведения, когда Робинзона стали разыскивать. Но тогда уже было слишком поздно.

Робинзон и его новый друг спустились к порту по длинной лестнице с крутыми и скользкими ступеньками. Поросяенок неловко прыгал вниз с одной ступеньки на другую, пока любезный моряк не взял его за руку. Вот так, держась за руки они и прошли по набережной — все, кто их видел, почему-то ужасно радовались.

Робинзон смотрел по сторонам с большим любопытством. Когда он раньше приезжал в Суинси в ослиной двуколке, он подходил к этим ступенькам и глядел вниз, но никогда не рисковал спускаться, чтобы не сталкиваться с моряками — люди это довольно грубые, да еще для охраны кораблей держат зубастых терьерчиков.

В гавани стояло множество кораблей, было почти так же шумно, как на рыночной площади. Большая трехмачтовая шхуна «Белоснежка» разгружала апельсины, подальше у причала небольшой бристольский береговой бриг «Малыш Бо Пип» брал на борт тюки овечьей шерсти, которую настригли в Бээхеме и Овэчире.

Старый Лоран Баран с большими витыми рогами и колокольчиком на шее стоял у сходней и вел счет тюкам. Каждый раз как кран поворачивался кругом и, шурша веревкой по шкиву, спускал новый тюк шерсти в трюм, Лоран Баран кивал головой, колокольчик тренькал «дидл-дин», и Лоран Баран хрипло блеял.

Лоран Баран знал Робинзона в лицо и должен был бы предостеречь поросенка. Ему часто приходилось проезжать в двуколке мимо фермы Кабанч. Но он стоял боком, слепым глазом к набережной, и яростно спорил, сколько тюков погрузили — тридцать пять или только тридцать четыре.

Поэтому своим зрячим глазом он внимательно следил за шерстью и подсчитывал тюки по насечкам на палочке-квитанции: на каждый тюк была насечка, еще тюк — еще насечка, тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь; последний тюк должен был совпасть с последней насечкой.

Его пес Джефффри с обрубленным хвостом, из семейства овчарок, тоже знал Робинзона, но был занят — он надзирал за схваткой между эрдель-терьером с угольщика «Марджери Доу» и испанским псом с «Белоснежки». Никто не обращал внимания на их рык и лай — в конце концов оба клубком скатились с набережной и плюхнулись в воду. Робинзон прижимался к моряку, крепко уцепившись за его руку.

«Фунт свечей» оказался большой шхуной, покрытой новой краской и разукрашенной флажками, назначение которых Робинзону было непонятно. Шхуна стояла на обмелевшем дне у внешнего края мола. Прилив быстро наступал, морская вода подымала судно, натянулись канаты, которыми оно было пришвартовано к причалу.

Матросы укладывали груз в трюме и перетаскивали канаты — отдавал команды капитан Барнабас Бойн, худощавый загорелый мореход с резким голосом. Он с грохотом бросал на палубу какие-то железные предметы и сердито кричал, отдельные слова даже доносились до набережной: про буксир «Морской Конек», про норд-вест, накапывающий весенний прилив, про посыльного от булочника и про свежие овощи.

— Отчаливаем как пробьет одиннадцать склянок, а не то держитесь... — он вдруг замер при виде кока с Робинзоном: глаза его загорелись.

Робинзон с коком взойшли на корабль по шаткой доске. На палубе Робинзон сразу же увидел большого рыжего кота, который чистил сапоги.

Кот вздрогнул от неожиданности и уронил щетку. А затем он стал подмигивать и строить Робинзону диковинные рожицы. Поросянку никогда не приходилось видеть, чтобы кошки вели себя так странно. Он спросил у кока, все ли у кота в порядке со здоровьем. Тогда повар швырнул в кота сапогом, и рыжий юнга взбежал на мачту. А Робинзона кок ласково пригласил спуститься в каюту, отведать пышек и сдобных лепешек.

Мне не известно, сколько лепешек умял Робинзон. Он их жевал и глотал, глотал и жевал, пока не заснул... Он спал и посапывал, пока табуретка под ним не накренилась, — пока он не съехал с нее и не скатился под стол.

Слева пол взлетел к потолку, а справа потолок скосился к полу. Плясали тарелки, лязгали цепи, слышались крики, сильные удары и другие нехорошие звуки.

Робинзон встал весь в ушибах. По трапу, похожему на приставную лестницу, вскарабкался на палубу. И завизжал от ужаса! Везде вокруг корабля бушевали огромные зеленые волны, домики на набережной превратились в кукольные, а вдалеке, над красными скалами и зелеными полями, он различил ферму Кабанч — она казалась не крупнее почтовой марки.

Белыми пятнышками в саду светилося белье, выстиранное Тетушкой Амелией и разложенное на траве для отбеливания. А в нескольких ярдах от поросенка прыгал на волнах и пускал дым черный буксир «Морской Конек». Его матросы втягивали на борт буксирный канат, только что отцепленный от «Фунта свечей».

Капитан Барнабас стоял на носу своей шхуны и что-то кричал капитану буксира. Матросы тоже кричали и весело натягивали паруса. Корабль накренился и вошел в волну, запахло морем.

Что касается Робинзона, он как сумасшедший носился кругами по палубе и пронзительно визжал. Однажды он поскользнулся, когда судно накренилось, но не остановился. Мало-помалу его визг превратился в пение, и вот что он пел на бегу:

*Поросенок Робинзон Крузо,
Твое бесподобное пузо
Ветер уносит
В лодке без весел.
Мужайся, Робинзон Крузо!*

Матросы смеялись до слез. Но когда Робинзон спел одно и то же раз пятьдесят и сбил с ног нескольких матросов, они обозлились. Корабельный повар больше не любезничал с Робинзоном. Напротив, он стал очень даже груб.

— Хрюзо, заткни пасть, а не то я сделаю из тебя свинные отбивные, — пригрозил кок. Робинзон потерял сознание и грохнулся ничком на палубу.

ГЛАВА VII

Не подумайте, что на борту с Робинзоном плохо обращались, отнюдь. На «Фунте свечей» кормили его даже лучше и обласкивали больше, чем дома. Поскучав первые несколько дней по добрейшим тетушкам, особенно когда пришлось переболеть морской болезнью, Робинзон почувствовал себя вполне счастливым. Он выработал морскую походку, чтобы во время качки уверенно держаться на ногах, и резво бегал по палубе, пока не разжирел и не обленился.

Повар без устали готовил ему кашу. Казалось, что полный мешок с едой и мешок картошки были припасены непосредственно для ублажения поросенка. Он ел сколько хотелось. А хотелось съесть как можно больше и потом прилечь на нагретые солнцем палубные доски. Корабль плыл в теплые края, и поросенка все сильнее одолевала лень. Помощник капитана баловал его, матросы приносили лакомые куски. Кок поглаживал ему спинку и почесывал бока, но уже не мог пощекотать между ребрами: поросенок успел нарастить толстый слой жира. Лишь два джентльмена не видели в нем забавную игрушку — рыжий кот-юнга и капитан Барнабас, погруженный в хмурые мысли.

Поросенок не мог понять, как к нему относится кот. Во всяком случае, к маисовой каше кот относился отрицательно, он загадочно говорил о неуместной жадности и опасном потворстве желаниям. Он не объяснил, чем опасно чревоугодие, и

Робинзон решил, что из какого-то предрассудка он предубежден против желтой каши и картошки, поскольку сам не ел ни того, ни другого. Пожалуй, кот был настроен дружелюбно. Но ходил с мордой скорбной, словно предрекающей несчастье.

Кот Мерфи страдал от любви. Он мрачно смотрел на жизнь из-за разлуки с полярной совой. Снежно-белая Софи уплыла на северном китобойном судне в Гренландию. А «Фунт свечей» следовал в тропики.

Поэтому Мерфи пренебрегал своими обязанностями и был на ножах с кокком. Вместо того чтобы чистить сапоги и прислуживать капитану, Мерфи дни и ночи проводил на мачте и, глядя на луну, заводил серенады. Время от времени он спускался на палубу и увещевал Робинзона соблюдать меру в еде.

Мерфи ни разу не сказал прямо, зачем отказывать себе во вкусных вещах, но он часто называл таинственное число (которое Робинзон сразу забывал) — день рождения капитана Бойна, отмечаемый, как правило, великолепным праздничным обедом.

— Вот для чего приберегли яблоки. А то лук уже не годен, от жары пророс. Капитан Барнабас сказал коку: обойдемся и без лука, если для соуса останутся яблоки.

Робинзон не обратил внимания на слова Мерфи. Оба следили за стайкой серебристых рыбок. Судно стояло в полном штиле. Повар пошел прогуляться по палубе — проверить, что разглядывает кот, и радостно возгласил:

— Справа по борту свежая рыба!

Чуть не вся команда схватилась за удочки. Они наживляли крючки красной шерстяной ниткой и крошками печенья, а боцман поймал рыбешку на блестящую пуговицу.

Ловля на пуговицу была чревата тем, что при вытаскивании много рыбы срывалось обратно в

воду. В конце концов капитан Бойн разрешил команде взять маленькую шлюпку — ее спустили на безмятежную морскую гладь при помощи железного крана под названием «шлюпбалка». В лодку сели пятеро матросов, и к ним прыгнул рыжий кот. Они удили рыбу несколько часов. Не было даже дуновения ветерка.

А Робинзон мирно дремал на теплой палубе. Его разбудили голоса помощника капитана и кока, которые остались на судне.

— Смотри, его хватит солнечный удар, дорогой кок,— говорил помощник капитана.— Расшевели его или укрой парусиной. Я сам вырос на ферме. Свиньям нельзя давать спать под палящим солнцем.

— Почему? — спросил кок.

— Хватит солнечный удар,— ответил помощник капитана.— К тому же от солнца облупится кожа и у корочки не будет вида.

На Робинзона набросили тяжелую грязную парусину — поросенок стал бить ногами по палубе и недовольно хрюкать.

— Он тебя слышал? — тихо спросил кок.

— Не знаю. Не имеет значения. Все равно ему бежать с корабля некуда,— запаливая трубку, ответил помощник капитана.

— Как бы аппетит у него не испортился, пока что он отлично ест,— заметил кок.

Раздался голос Барнабаса Бойна. Отдохнув у себя в каюте, капитан вышел на палубу:

— Давай на бочку на главной мачте, возьми подзорную трубу и обследуй горизонт по широте и долготе. Карта и компас говорят, что мы в середине архипелага.

Хоть и приглушенно, сквозь парусину, Робинзон услышал властные нотки капитана; совсем иначе звучал этот голос для помощника капитана, который часто противоречил Барнабасу, когда никого не было рядом.

— Ужасно болят мозоли,— сказал помощник капитана.

— Пошли вверх кота,— коротко приказал капитан Бойн.

— Кот в шлюпке, удит рыбу.

— Тащи его сюда,— сказал капитан Бойн, теряя терпение.— Он уже две недели не чистит мои сапоги.— Капитан спустился по трапу в каюту и снова засел за расчеты широты и долготы, чтобы понять, где архипелаг.

— Надеюсь, он все-таки повеселеет к следующему вторнику, а то, глядишь, свинятину будет жевать без аппетита,— сказал коку помощник капитана.

Они пошли на другую сторону палубы посмотреть, какую поймали рыбу: лодка возвращалась.

Поскольку был полный штиль, на ночь шлюпку не подняли на борт, а оставили на воде, гладкой как зеркало, привязав у кормы «Фунта свечей» под иллюминатором.

Кота-юнга с подзорной трубой послали на мачту — он провел какое-то время наверху. Спустившись вниз, кот доложил, что ничего не видеть. Мерфи обманул помощника капитана.

В ту ночь никого не оставили на вахте — океан был слишком спокойный. Подразумевалось, что ночное наблюдение будет вести кот-юнга. Все

остальные в команде резались в карты.

Мерфи и Робинзон в карты не играли. Мерфи заметил, что под парусиной кто-то ерзает. Так он нашел Робинзона — тот заливался слезами, дрожа от страха. Поросенок слышал разговор про свинину.

— По-моему, я давал тебе понять достаточно ясно,— сказал Мерфи Робинзону.— Чего же ради тебя откармливали? Только не визжи, дурачина! Давай так, ты перестанешь плакать и выслушаешь, что я скажу. Ты ведь можешь грести, в конце концов.— (Робинзон несколько раз удил рыбу и даже поймал пару-тройку крабов.) — Во всяком случае, плыть недалеко. С мачты в направлении норд-норд-вест я видел верхушку дерева Бонг, дерево растет на острове. Проливы архипелага непроходимы для «Фунта свечей», в них слишком мелко, а шлюпки, все остальные, я продырявлю. Пошли, и делай, что я скажу! — молвил кот.

Из бескорыстного дружеского чувства и от обиды на кока с капитаном Барнабасом, Мерфи помог Робинзону собрать в дорогу все необходимое. Ботинки, сургуч, нож, кресло, рыболовные принадлежности, соломенную шляпу, пилу, липкую ленту от мух, котелок, подзорную трубу, чайник, компас, молоток, бочонок муки, еще бочонок с едой, бочку питьевой воды, стакан, заварочный чайник, гвозди, ведро, отвертку...

— Да, вот не забыть бы еще,— сказал кот, взяв сверло и пробуравил большие дыры в трех шлюпках, что оставались на борту шхуны.

К этому времени снизу раздалось зловещие звуки: те из матросов, кому не везло, начали уставать от игры. Мерфи торопливо попрощался с Робинзоном, столкнул его за борт, и поросенок соскользнул по веревке в лодку. Кот отвязал веревку и сбросил ее вниз. Затем он вскарабкался на мачту и притворился спящим на вахте.

Взявшись за весла, Робинзон чуть не съехал со скамейки. Ноги его были коротковаты для гребли. В кают-компании капитан Барнабас сдавал карты и вдруг замер, прислушиваясь (кок не упустил возможности заглянуть в чужие), а затем стал снова хлопать картами по столу — чем заглушил плеск весел в тихой морской воде.

После следующей сдачи два матроса вышли из кают-компаний и поднялись на палубу. Вдалеке они заметили что-то похожее на большого черного жука.

— Гляди, это огромный тропический таракан,— сказал один из них.— Видишь, как он загребает своими задними оглоблями?

— Да нет, это просто дельфин,— возразил другой. Они стали громко спорить. Капитан Барнабас Бойн, которому кок сдал карты без единого козыря, вышел на палубу и сказал:

— Дайте сюда мою подзорную трубу.

Подзорная труба исчезла, а вместе с ней ботинки, сургуч, компас, котелок, соломенная шляпа, молоток, гвозди, ведро, отвертка и кресло.

— Возьмите шлюпку и посмотрите, что там плывет,— приказал капитан Бойн.

— А если это дельфин? — мятежно возразил помощник капитана.

— Черт-те что! Шлюпка пропала! — воскликнул матрос.

— Возьмите другую лодку, возьмите все другие лодки, я знаю, это они, свинтус и котяра! — рявкнул капитан.

— Нет, сэр, кот-юнга дрыхнет наверху, на мачте.

— Да оставьте вы кота! Догоните поросенка! У нас пропадет яблочный соус! — пронзительно кричал кок, приплясывая и потрясая ножом с вилкой.

Открыли шлюпбалки, лодки с плеском и шумом спустили на воду, все матросы попрыгали в лодки и принялись грести изо всех сил. Но не прошло и минуты, как они повернули обратно, с еще большим усердием налегая на весла. И в самом деле, надо было торопиться — в каждой шлюпке была опасная течь. Тут Мерфи постарался!

ГЛАВА VIII

Робинзон уплывал от «Фунта свечей», равномерно взмахивая тяжелыми веслами. Солнце село, но известно, что в тропиках море сияет фосфорическим светом. Когда Робинзон поднимал весла, с них падали капли, искрясь и сверкая, как алмазы. А вскоре над горизонтом взошла луна, похожая на половинку серебряной тарелки. Робинзон остановился передохнуть и посмотрел на корабль, застывший в лунном свете, на зеркальное гладкое море... Именно в эту минуту на палубу, удаленную на четверть мили, вышли два матроса и заметили в воде тропическое насекомое.

Робинзон не мог услышать шум на «Фунте свечей», но он понял, что три лодки пустились вдогонку. Он принялся грести что есть мочи, повизгивая от страха, но даже не успел устать: погоня прекратилась. Тогда Робинзон сообразил, что лодки дырявые. Остаток ночи он работал веслами спокойно, без спешки. Спать не хотелось, в воздухе стояла приятная прохлада. Следующий день был жарким, но Робинзон крепко спал под парусиной — ее заботливо положил в шлюпку Мерфи, на случай, если поросенок захочет поставить палатку.

Корабль исчезал из виду — вы знаете, что море на самом деле отнюдь не плоское. Вначале за горизонтом скрылся корпус, потом пропала палуба, постепенно укорачивались мачты, но вот и их не стало.

Робинзон определял свой курс по кораблю. Когда ориентир был потерян, поросенок обернулся, чтобы свериться по компасу, но тут лодку тряхнуло — она ударилась о песчаную отмель. К счастью, шлюпка не застряла.

Робинзон встал в лодке и принялся отталкиваться вслужок от отмели, поводя глазами по сторонам. И вдруг на горизонте заметил верхушку дерева Бонг!

Он снова сел на весла и через полчаса прибыл к берегу большого плодородного острова. Робинзон причалил, как опытный моряк, в удобной укрытой бухте, в которую вбегал серебристый ручеек из горячего минерального источника. Берег устилала вкусные устрицы. С веток свисали мятные шарики, фруктовые леденцы и другие сладости. Под ногами попадались ямсы-нямсы —

это такие особые печеные картофелины. На булочном дереве вызревали теплые пирожки и лепешки — под его кроной свиньи не тоскуют о каше. Но самым высоким в лесу было древнее дерево Бонг, увитое тефтелевой лианой.

Кстати говоря, вы не читали «Робинзон Крузо»? Остров дерева Бонг очень похож на остров Крузо, но только на острове Крузо нет многого того, чем изобилует остров дерева Бонг. Я там ни разу не была, поэтому полагаюсь на рассказ Молли и Филли — они ездили к Робинзону полтора года спустя и провели восхитительный медовый месяц. Молодые с воодушевлением говорили о климате; правда, Филли там было чуть-чуть жарковато.

Филли приходился братом белоснежной Софи. На ее свадьбе с рыжим котом Мерфи он узнал историю поросенка Робинзона, владельца кольца, а среди гостей Филли встретил Молли, которой тут же сделал предложение. Вот как случилось, что в свадебное путешествие Молли и Филли отправились на остров дерева Бонг. Джим Шмелли дал им в дорогу мед, собранный с цветущего терновника, а доктор Сорока подарил серебряную трезубчатую ложку, полезную для здоровья.

Немного позже у Робинзона гостили Вернер и песик Патрик. По их словам, он счастлив и на здоровье не жалуется. И вовсе не думает плыть обратно в Суинси. Говорят, он и по сей день живет на острове, хорошо питается и даже наел соблазнительные бока... А коварный повар так и не узнал, где нашел убежище отважный поросенок.

Пересказал Михаил Гребнев

Рисунки автора — Беатрисы Поттер